

ДЭНИ АТКИНС

Хрупкое счастье понедельника

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
А92

Dani Atkins
A SKY FULL OF STARS
Copyright © Dani Atkins, 2021
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Numberg Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Павла Смирнова

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Аткинс Д.

А92 Хрупкое счастье понедельника : роман / Дэни Аткинс ; пер. с англ.
П. Смирнова. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. —
448 с. — (Акценты).

ISBN 978-5-389-28150-9

Когда Лиза вышла замуж за Алекса, его жизнь засверкала новыми красками, а родившийся вскоре сын Коннор придал ей новый смысл. Втроем они образовали маленькую счастливую вселенную. Но Лиза внезапно трагически погибает, и эта вселенная рушится в одночасье. Алекс вне себя от горя, но держится изо всех сил, потому что теперь он должен заменить шестилетнему сыну мать. И вот однажды в жизни Алекса появляются четыре незнакомца — двое мужчин и две женщины. Они никогда не встречались с Лизой, но их судьбы глубоко изменились благодаря именно ей. Все больше сближаясь с новыми знакомыми, Алекс начинает испытывать странные ощущения — то ли мистические дежавю, пытающиеся поколебать его рациональный и логичный ум, то ли попытки мироздания донести до него, что, возможно, мир не столь жесток и бессмыслен, как ему кажется.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-28150-9

© П. А. Смирнов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

1

Алекс

Он все сделал бы по-другому, если бы знал. Прижал бы ее крепче, целовал бы дольше или просто обнял бы ее и не стал никуда отпускать. Если бы знал.

Но губы Алекса едва коснулись ее губ в залитой солнцем кухне, словно впереди еще десятки лет и тысячи поцелуев. Словно они еще будут целоваться, когда в ее волосах проглянет седина, а его собственные волосы поредеют и талия увеличится в объёме.

Он стоял на коленях, пытаясь затереть апельсиновый сок, который Коннор только что разлил, опрокинув локтем стакан, когда вошла Лиза. Она окинула кухню взглядом, сразу заметив оранжевые капли, стекавшие на клетчатую плитку пола, и вот-вот готовые пролиться слезы сына. Губы Коннора подрагивали.

— Никто на тебя не злится, великан. Это просто случайность.

Алекс посмотрел жене в глаза, словно передавая невысказанное сообщение: «Вот поэтому я и говорю, что он слишком чувствительный».

Ее васильково-голубые глаза передали ответ: «Ему всего шесть, и он не любит создавать проблемы. Просто не обращай внимания».

— Давай помогу, — сказала Лиза и потянула руку за тряпкой, которую держал в руке Алекс, глядя, как лужица сока продолжает разрастаться, вместо того чтобы уменьшаться.

Алекс посмотрел на нее, скользнув взглядом от туфель с красной подошвой на высоких шпильках, которые к концу дня беспощадно сдавят пальцы, до свободного платья пшеничного цвета. Наряд идеально подходил для выступления на открытии выставки в Лондоне, но едва ли годился для уборки на кухне.

— Не. Я сам справлюсь, милая, — он глянул на часы, потеряв еще несколько бесценных секунд, которые мог бы провести, глядя в лицо жене. — Лучше поторопись, а то поезд пропустишь.

Он был прав, и все же она замешкалась. Ощутила ли она в этот момент, что в песочных часах остаются лишь последние крупинки?

— У тебя ведь поезд в семь сорок восемь, да?

Лиза кивнула и одним движением схватила со стола сумку с ноутбуком и ключи от машины.

— Жаль, что я не могу поехать с тобой, мамочка. Мне хотелось бы увидеть модели планет и луны.

Лиза задержалась и присела перед стулом Коннора. Алекс обожал то, с какой точностью она это делала. Она всегда пригибалась, чтобы разговаривать с ним на одном уровне и в фигуральном, и в буквальном смысле. Ему очень хотелось усвоить эту привычку, но он все время забывал.

— Я знаю, малыш. Но я буду слишком занята этой занудной речью, и у нас не будет времени вместе осмотреть все крутые экспонаты. На будущий год, — прошептала она, нагнувшись и поцеловав светлую, чуть рыжеватую макуш-

ку сына, — на будущий год мы с тобой вместе поедem на Астрономическую выставку. Сядем в поезд и проведем весь день, разглядывая каждый экспонат. Только ты и я, — Лиза провела по груди ногтем с розовым кончиком. — Обещаю.

Алекс отвернулся, чтобы скрыть улыбку, потому что слишком хорошо знал, как волновалась его тридцатитрехлетняя жена из-за этой «занудной речи». Она репетировала выступление каждый вечер, поставив ноутбук на кровать между ними и вещая о черных дырах, сверхновых звездах и лунных морях со страстью, от которой его сердце переполнялось гордостью за то, что эта умная и красивая женщина была его женой.

Теперь он знал эту речь почти так же хорошо, как и она сама.

— Все пройдет без сучка и без задоринки, — сказал он Лизе накануне вечером, осторожно закрывая крышку ее ноутбука.

— Но мне еще нужно... — начала она, но протест умолк, когда его губы приникли к ее губам. — Ладно... — радостно выдохнула она, запуская руки под футболку мужа и исследуя ладонями его мускулистую спину. — Я всегда смогу выкрутиться.

— Пожелай мне удачи, — сказала Лиза теперь, плавно выпрямляясь на высоченных каблуках, сокращавших разницу в их росте всего до нескольких сантиметров.

Она подошла, чтобы обнять Алекса, и его окутало облако духов, которыми Лиза пользовалась только по особым случаям. Для нее это и в самом деле был особый день. Алекс понимал это по возбужденному блеску ее глаз.

Он притянул ее к себе, и его сердце странно замерло, когда он ощутил ее знакомые округлости, прижавшиеся к не-

му, словно символ инь и ян. Алекс отпустил жену с неохотой, которую никак не мог объяснить.

— Удачи. У тебя все получится! — сказал он и в последний раз поцеловал ее перед уходом.

Только звук ее смеха разливался по коридору, пока она шла к двери. Это были последние слова, которые он сказал ей тем утром.

Коннору определенно нравилась новизна ощущения от того, что он остался на попечении «родителя номер два», который для этого явно не подходил, потратив на сборы ребенка в школу вдвое больше времени, чем мама. При этом самому Алексу казалось, что он набрал дополнительные очки, разобравшись с утверждениями Коннора, что у его зубной щетки «странный вкус», и обнаружив пропавший школьный ботинок, который таинственным образом оказался погребенным под подушкой мальчика.

Несмотря на то что им уже давно полагалось быть в машине и ехать в школу, Алекс не торопился, зашнуровывая блестящий черный ботинок на раскачивающейся ноге сына.

— Все в порядке, великан? В школе ведь проблем нет?

Ноги Коннора замерли неподвижно, и у Алекса по коже побежали мурашки. Его сын был тихим умным мальчиком из тех, кого учителя обожали, а другие дети не подпускали близко. В школе у него было несколько друзей, но Алекс и Лиза не раз видели, как он стоял в полном одиночестве на краю игровой площадки, дожидаясь, пока его заберут.

Алекс на секунду пожалел, что Лизе нужно было уехать ранним поездом, потому что с такими вещами она справлялась намного лучше мужа. С того момента, когда акушерка дала ей на руки новорожденного сына, между его же-

ной и ребенком возникла неразрывная связь. Алекс никогда не чувствовал себя чужим, но понимал, что в матери Коннор нуждается больше, чем в нем.

— Это все изменится, когда ему придется учиться бриться, парковать машину или приглашать девушек на свидание, — пророчила Лиза. — Вот тут и придет твоя очередь, красавчик.

Поскольку ничего из этого пока не предвиделось, Алексу все равно казалось, что у него на лбу написано: «Неудачник». Лиза тем временем была образцовой матерью.

— У меня животик странно себя чувствует, — произнес Коннор, поглаживая живот ладонью.

— Как будто тебя сейчас стошнит?

— Нет. Просто как будто я съел что-то и теперь оно шевелится.

Его слова идеально описывали то странное ощущение, которое сам Алекс испытал на кухне. Он непривычным движением приложил ладонь ко лбу Коннора — он уже сотню раз видел, как это делает Лиза. Насколько Алекс мог судить, температура у сына была нормальная.

— Почему бы нам не сказать миссис Андерсон об этом, когда приедем в школу? А если тебе не станет лучше, я всегда смогу за тобой приехать. Я сегодня буду работать из дома.

Перепроверяя, надежно ли пристегнут Коннор, Алекс подумал, не позвонить ли Лизе, чтобы рассказать ей о принятом решении. Правильно ли он поступил, отправляя Коннора в школу? Он посмотрел на часы на приборной панели, пристегиваясь ремнем. Было вполне возможно, что она еще стояла на платформе, и Алекс понимал: если он скажет, что Коннору нездоровится, она тут же забудет о выставке и вернется домой, чтобы побыть с ним. Алекс

решительно покачал головой. Лиза слишком долго и упорно добивалась этого признания, и он не собирался отнимать у жены ее минуту славы из-за такой мелочи, как «шевелиющийся» живот, ни у него самого, ни у Коннора. Один день они сумеют справиться и без нее.

— Разумеется, мы за ним присмотрим. Но такие вещи часто чудесным образом проходят, стоит детям оказаться в окружении друзей.

Алекс бросил взгляд на Коннора, сидевшего в одиночестве за низеньким столом и тянувшего за переполненной миской с мелками и листом бумаги. Одни дети носились по классу, словно крошечные пациенты, сбежавшие из психиатрической лечебницы, другие рылись в коробках с конструкторами, книгами и нарядами. Сидел на месте только его сын.

— Он хороший мальш, — тепло сказала миссис Андерсон, прервавшись на секунду, чтобы разнять парочку малолетних бандитов. — Честно говоря, я бы не отказалась еще от нескольких детей вроде Коннора в классе, мистер Стивенс, — со смехом призналась она.

Алекс, как обычно, ощутил себя Гулливером в стране лилипутов, пробираясь среди стульев высотой с подставку для ног и столов, едва доходивших до его колена, чтобы попрощаться с сыном. Коннор низко склонил патлатую голову над рисунком. Алекс не забыл расчесать сыну волосы, прежде чем выехать из дома? Судя по всему, мог и забыть.

К счастью, Алекс помнил, что целоваться на прощание допустимо только в уединении машины, поэтому ограничился лишь тем, что быстро потрепал и без того лохматые волосы Коннора.

— Ну, я поехал, великан.

Коннор оторвался от бумажного листа, который он рисовывал жирными восковыми мелками. Алекс уже видел этот рисунок бесчисленное множество раз. Одни его варианты покрывали стены спальни сына, другие были прикреплены магнитами к дверце холодильника рядом со списком покупок, написанным рукой Лизы. Коннор снова запечатлел луну в чернильно-черном небе, но не так, как ее обычно изображают дети его возраста. Это не был сияющий полумесяц с прыгающей через него коровой или похожий на головку сыра улыбающийся шар. Это была настоящая луна — с тенями, вулканами и кратерами, похожими на настоящие.

Кроме пухлых губ и невероятно длинных ресниц Коннор унаследовал от матери любовь к астрономии. Вдруг таинственное ощущение в животе обрело смысл. Коннор просто расстроился, что ему не разрешили поехать на Астрономическую выставку вместе с Лизой.

Машина Алекса оставалась на стоянке начальной школы Медоуз последней. Он легкой трусцой побежал по щебенке, еле избежав первых крупных капель дождя, которым разразилось грозное оловянное небо. Он провел за разговором с учительницей Коннора больше времени, чем рассчитывал, — девятичасовой выпуск новостей уже закончился к тому моменту, как заработало радио. Алекс включил дворники в тот самый момент, когда диктор сообщил, что по прогнозу в первой половине дня ожидаются ливни.

— Да ладно... — поморщился он, ведя машину через лужи, глубины которых хватило бы, чтобы окатить с ног до головы какого-нибудь несчастного пешехода.

Он подумал, что Лиза хотя бы не попадет под самый сильный ливень. Сейчас она должна была ехать в теплом

и сухом поезде. «Наверное, в сотый раз репетирует свою речь», — подумал он с улыбкой.

Все те недели, пока планировалась выставка, Алекс опасался, что после этого жене будет трудно вернуться к детской книге по астрономии, над которой она работала последние восемь месяцев. Он снова улыбнулся, потому что знал, что Лиза относилась к этому проекту с такой же страстью, как и ко всему, за что бралась.

Хотя до конца книги еще оставалось несколько глав, на днях он пытался что-то найти на столе жены и случайно увидел страницу с посвящением. На секунду он был настолько смущен, что на глаза навернулись слезы. Он прочитал: «Алексу и Коннору, которых я люблю до самого неба». Но то был прежний он, крепкий парень, силящийся быть настоящим мачо, которого Лиза раскусила в момент. Она каким-то образом разглядела под его суровой маской мужчину, в которого могла влюбиться. И слава богу, что это произошло, потому что до нее его существование напоминало старую черно-белую фотографию, несравнимую с яркой и многоцветной жизнью, которую он вел теперь.

«А ведь вечером нам есть что отпраздновать!» — вдруг понял Алекс, злясь на себя, что не подумал об этом раньше. Если бы они сегодня поменялись ролями, Лиза, вне всяких сомнений, устроила бы ему неожиданную вечеринку и пригласила бы всех друзей. Было уже слишком поздно для подобных затей, но они могли хотя бы сходить куда-нибудь втроем поужинать. Например, в тот итальянский ресторан, который ей так нравился.

Ему нужно было только узнать, когда она вернется, но как он ни силился вспомнить недавние разговоры, не мог этого вспомнить. Не проблема — он позвонит ей под ка-

ким-нибудь предлогом и как бы невзначай вставит в разговор свой вопрос. Он уже качал головой, нажимая на руле кнопку, чтобы включить голосовой набор номера. Лиза сразу же раскусит любое его вранье, как это всегда и получалось, но притворится, что ничего не поняла, и позволит ему считать, что ему удалось ее удивить. Они так хорошо знали друг друга, словно в какой-то момент за последние девять лет они перестали быть двумя отдельными личностями и каким-то образом стали единым целым.

— Позвонить Лизе, — скомандовал он телефону и посмотрел на часы.

Она еще должна быть в поезде, поэтому сможет поговорить. Или уже доехала?

— Алло, — машина наполнилась ее голосом, звучащим из каждого динамика.

— Привет, малыш, это я. Я хотел узнать...

— Прости, как ты, наверное, и сам догадался, я сейчас не могу с тобой разговаривать. Ты знаешь, что делать. Я скоро перезвоню.

Алекс ощутил странную подавленность из-за того, что не смог поговорить с ней, что казалось безумием, потому что они виделись всего каких-то полтора часа назад. Он посмотрел на платиновое обручальное кольцо на пальце и печально улыбнулся. «Подловила», — признался он себе и снова покачал головой.

— Просто хотел еще раз пожелать тебе удачи, милая. Надеюсь, сегодня все пройдет хорошо. Позвони, когда будет свободная минутка, — он уже собирался нажать кнопку, чтобы прекратить звонок, когда вдоль позвоночника вдруг пробежал неожиданный холодок. — Я люблю тебя, — поспешил добавить он.

2

Молли

— Когда-то давным-давно...

Я сделала паузу, хотя и не ради драматического эффекта, который, как я знала по собственному опыту, был совершенно излишним, когда твоя аудитория — полная комната шестилеток. Я сделала паузу по той же причине, по которой мне приходилось останавливаться в середине каждого пролета, поднимаясь по лестнице, по которой попытки догнать уходящий автобус остались в воспоминаниях и по которой шкафчик в моей ванной вместо туалетных принадлежностей был забит лекарствами. Если и требовалось подтверждение правильности решения, то было вполне довольно и того, что я не могла закончить даже простое и короткое предложение, не остановившись, чтобы перевести дух.

Двадцать четыре пары глаз внимательно уставились на меня. Вдруг они перестали ерзать, толкаться с соседями и даже разговаривать, несмотря на запрет. Они сидели на ковре, скрестив ноги, и ждали, когда я начну рассказ. Это было мое последнее задание в их классе, и они все осознавали важность дня. Они были малы, слишком малы, чтобы произнести слово «кардиомиопатия», не говоря уже о том, чтобы понять его значение, и все же переносили мой уход куда лучше большинства коллег.

— Вы умрете, мисс?

Дети не боялись задавать этот вопрос, в отличие от моих коллег по начальной школе Грин-Хиллз, которые были слишком напуганы, чтобы решиться на это. Но я видела, с какой тревогой коллеги наблюдали, как мое некогда розовое лицо приобрело цвет пергамента, а синюшный оттенок губ не мог скрыть даже толстый слой розовой помады.

Как и большинство людей чуть за тридцать, я никогда особо не задумывалась о собственной смертности, пока полтора года назад мое будущее не изменил вирус. Вирус... Это казалось так обыденно. Люди постоянно их подхватывали, потом выздоравливали и благополучно забывали. Но у этого были свои планы, и теперь мое собственное тело переписывало тщательно проработанный план на следующие пять лет моей жизни.

Родные называли меня упрямой и, наверное, были правы, потому что я долгие месяцы молча игнорировала совет врачей перестать работать. Чтобы наконец проникнуться истинной, потребовался упавший ребенок на игровой площадке, разбивший коленки и вывихнувший запястье, ребенок, которого я физически не смогла поднять. Из-за моего отказа принять ограничение возможностей собственного организма страдали те, о ком я больше всего беспокоилась: дети.

— ...И жили они долго и счастливо.

Мои последние слова удачно совпали со звуком школьного звонка.

Обычно окончание учебного дня у шестилеток напоминало что-то среднее между побегом из Колдица и первым днем январской распродажи. Но сегодня, на удивление, никто не бросился сломя голову к двери. Вместо этого они встали в ровную шеренгу — прежде мне никак не удавалось их так

построить. Каждый ребенок в классе терпеливо дождался своей очереди, чтобы обнять меня на прощание. Для меня это было важнее любого отзыва в резюме. Если это были последние минуты моей работы учителем в начальной школе, то это просто потрясающее завершение карьеры.

Все началось с сапожек. Они были новенькие. Роскошная мягкая, карамельного цвета кожа облегла икры как перчатка. Застегивая их, я всякий раз предпочитала не думать об их заоблачной цене. Они меня бодрили. Стильные, но на невысоком каблучке, они стали моей излюбленной рабочей обувью.

Но однажды мне показалось, что молния на правом сапоге немного заедает. Помню, как я расстроилась, пытаюсь застегнуть ее. Такие дорогие сапоги должны были продержаться намного дольше пары недель. В конце концов мне удалось застегнуть молнию до конца, но вдруг те же проблемы возникли и с другим сапогом. Я совершенно об этом забыла. Во всяком случае, на следующие десять часов.

Тем вечером я вернулась с работы и, закрыв за собой дверь, прислонилась к ней, зайдя в новом приступе кашля. Я увидела свое отражение в зеркале в прихожей. Выглядела я ужасно, а кашель звучал и того хуже. Как будто у человека, который никогда не читал предупреждения на сигаретных пачках. Только я никогда в жизни не курила.

Неудивительно, что я заболела. Практически все знакомые страдали от той или иной хвори. Обычно моя иммунная система довольно эффективно справлялась с инфекциями, которые маленькие дети распространяли с бездумной щедростью, но на этот раз кашель был невыносим. Ребра начали болеть от приступов кашля, мучавших меня

по ночам и не дававших уснуть. В лежачем положении становилось только хуже, но даже дополнительные подушки с пустовавшей теперь половины кровати, где раньше спал Том, не помогали.

Мне хотелось только натянуть спортивные штаны и повалиться на диван. Подниматься по лестнице было все равно что карабкаться в гору, и, хотя пройти нужно было всего тринадцать ступенек, мне пришлось остановиться на полпути из-за нагрузки на легкие.

Сняв платье, я оставила его лежать кучей на ковре в спальне, потому что сил донести его до корзины с грязным бельем уже не было. Тому бы не понравилось, но уже полгода об этом беспокоиться не приходилось.

Я плюхнулась на край кровати и принялась расстегивать сапоги. Они не поддавались. Молнии, которые неохотно застегивались утром, еще решительнее отказывались расстегиваться. После пяти минут упорной борьбы удалось расстегнуть их только до середины. От усилий кашель становился только хуже, и к тому времени, когда я выпрямилась, на лбу выступила тонкая пленка пота.

Я с такой силой тянула молнии, что просто удивительно, как они не сломались. Но иначе пришлось бы разрезать сапоги. Высвободив стопы, я пошевелила пальцами и осмотрела ноги. От усилия щиколотки покраснели и немного опухли.

— Простите, — извинилась я перед собственными ногами. — Завтра надену туфли на плоской подошве.

С этого все и началось — с сапог.

На следующее утро мои щиколотки выглядели лишь немногим лучше, а от кашля грудь сдавливало при каждом вдохе. Интернет, к которому я обратилась посреди но-

чи, пока не шел сон, поведал мне, что любой кашель, продолжающийся дольше трех недель, требует визита к врачу. Я посмотрела на собственное отражение в запотевшем зеркале в ванной, заметив, что чересчур сильно опираюсь на раковину, чтобы не потерять равновесие.

— Еще недельку, и мы уничтожим этот кашель антибиотиками, — пообещала я своему расплывчатому отражению.

Произнося эти слова, я понятия не имела, что часы уже тикают.

Прежде чем снова надеть халат, я встала на весы и в ужасе перепроверила цифры на дисплее. Я набрала три с лишним кило меньше чем за неделю? Разве такое возможно? Идя одеваться в спальню, я практически чувствовала собирающуюся надо мной тучу раздражения. Конечно, после ухода Тома я стала готовить сама намного меньше, чем раньше, поэтому, да, довольно регулярно брала еду навынос, но разве я настолько скверно питалась, чтобы так отъесться?

На автопилоте я протянула руку за парой ломтиков хлеба, чтобы сунуть их в тостер, но передумала и вместо этого вытащила из холодильника немного фруктов и йогурт. Да и в последнюю пару недель мне почти не хотелось есть, отчего прибавка в весе казалась еще более возмутительной.

Отбивка времени по радио напомнила, что пора в дорогу. Я собирала вещи, глядя сквозь мелкую утреннюю изморось на дорогу. Найти место рядом мне вчера не удалось, поэтому машина стояла в нескольких сотнях метров от дома. Сумка оттягивала плечо так, словно в ней лежали золотые слитки. Пришлось остановиться дважды. Сначала — чтобы повесить сумку поудобнее, потом, с тревогой, —

чтобы перевести дыхание. К тому времени, когда я добралась до машины, пришлось признать, что что-то совсем не так. С каждым вздохом казалось, будто я медленно тону.

Дрожащими пальцами я начала набирать номера на телефоне, чтобы позвонить сперва директору моей школы, а потом — в свою поликлинику. Со вторым звонком мне повезло: другой пациент только что позвонил и отменил прием, и, если у меня получится приехать через десять минут, врач сможет принять меня сразу же. «Может быть, я еще успею на работу после приема», — думала я, лавируя в утреннем потоке машин.

Врач была новая, полька, и к своей работе она подходила с большим вниманием. Из-за акцента мне было трудно понимать некоторые ее слова, но невозможно было ошибиться при виде ее выражения лица, когда я ввалилась к ней в кабинет, выглядя лет на пятьдесят старше, чем было написано у нее на экране. Закончив осмотр, она заговорила со мной медленно и осторожно, что помогло устранить проблему с акцентом, но то, что она говорила, все равно оставалось для меня китайской грамотой.

— Я положу вас в больницу.

— То есть вы хотите направить меня на госпитализацию? — спросила я, удивляясь, почему она качает головой.

— Нет. Сегодня же. Прямо сейчас. В приемной с вами кто-нибудь есть? Кто-то может вас отвезти?

Грудь сдавило с такой силой, что было просто удивительно, как в ней осталось место для страха, но он каким-то образом все же проскользнул туда, словно змея.

— Нет. Я... Я сама приехала. Я могу просто поехать в больницу?

Она покачала головой и потянулась к телефону на столе.

— Боюсь, это нежелательно, мисс Кендалл... э... Молли. Думаю, будет лучше, если я вызову для вас скорую.

«Подозрение на пневмонию. Скорее всего, пневмония». Слова врача крутились безмолвной мантрой в моей голове всю дорогу до больницы. Я понимала, что пневмония — это плохо, но я была молодой и здоровой женщиной. С антибиотиками и прочим я должна довольно быстро ее одолеть.

В приемном покое я не задержалась и все еще по наивности думала, что это хорошо. Только когда врач приемного отделения сказал, что меня направляют в кардиологическое отделение, стало понятно, что у меня серьезные проблемы. Мысли путались. Казалось, что все это — ночной кошмар, от которого я могу пробудиться в любую минуту. Но становилось только хуже. Истинное положение вещей я осознала только тогда, когда в ужасе позвонила матери.

— Привет, мам. Это я.

— Молли? — удивилась она.

Уточнение особо не требовалось — больше никто в мире не мог называть ее мамой. Просто в этот момент я должна была преподавать целому классу бойких шестилеток.

По моей щеке покатилась слеза при мысли о том, когда я снова смогу это делать и смогу ли вообще.

— Мам, только не пугайся, но я в больнице.

Я представила себе, как краска отлила от ее лица и рука сжала трубку с такой силой, что пальцы, наверное, побелели.

— Что случилось? Что с тобой?

— Врачи говорят... — я несколько раз судорожно проглотила ком в горле, чувствуя на языке горький вкус слез. — Врачи говорят, что у меня острая сердечная недостаточность.

* * *

Я в последний раз прибрала класс. С завтрашнего дня сюда придет подменный учитель, который останется здесь до конца года, и было трудно не позавидовать тому, кто завершит путь, который я начала с этими детьми семью месяцами ранее.

Когда все было убрано, я медленно выпрямилась и вдохнула знакомый запах класса в последний раз, пытаясь законсервировать его в своей памяти. Единственный аромат, по которому я не думала скучать, постоянно исходил из дальнего угла класса.

— Думаю, придется пока попрощаться, — торжественно сказала я хомяку по имени Джеральд.

Питомец класса ненадолго оторвался от бесконечного марафона в колесе. По хомячиным меркам Джеральд был пожилым, и я часто тревожилась о том, что будет с классом, если он не дотянет до конца года. Теперь я понимала иронию — беспокоиться следовало о продолжительности жизни не Джеральда, а собственной.

— Может быть, ты еще будешь здесь, когда я вернусь, — сказала я, просовывая через прутья прощальную морковную палочку, и тихо добавила: — Если вернусь.

— Конечно, вернешься.

Я улыбнулась и обернулась к обладательнице голоса со знакомым австралийским выговором.

— Без тебя здесь будет все не так.

Кира Дэвис, учительница шестого класса, скорее подруга, чем коллега, пересекла класс, сделав намного меньше шагов, чем потребовалось бы мне. С длинными спутанными волосами и сильными загорелыми руками, она выглядела так, будто только что бегала по пляжу с доской для

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЭНИ АТКИНС
ХРУПКОЕ СЧАСТЬЕ ПОНЕДЕЛЬНИКА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 02.04.2026.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 26,04. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-AET-37166-01-R